

ВЯЧЕСЛАВ ПОЛУНИН, «ГОВОРЯЩИЙ МИМ»

АВТОГРАФ

Называются только два слова. Эти два слова — Вячеслав Полунин. А за ними — «Асисай», «Нельзя — лья». Вот видите, ваши губы независимо от вас растягиваются в улыбке.

Это имя вошло в нашу жизнь неожиданно, но бурно и ярко. Мы впервые увидели Полунина, точнее его маску, на экране телевизора чуть больше двух лет назад, а уже через год Аркадий Райкин назвал Полунина в газете «Советская культура» выдающимся артистом нашего времени.

Откуда он и каков он на самом деле, без маски? Недавно В. Полунин побывал на Донетчине в составе большой концертной программы, посвященной 50-летию стахановского движения.

...Передо мной сидел усталый, озабоченный человек. Не очень многословный. На улице, в толпе, на него никто не обратил бы внимания...



— Вячеслав Иванович, миллионы зрителей знают вас как эстрадного исполнителя, но вы ведь руководите театром?

— Ансамблем... Ленинградским ансамблем пантомимы «Лицедей».

— Как давно он существует?

— В качестве профессионального коллектива — шестой год. А до того почти десять лет был самодеятельной студией.

— За последние годы широко развился в нашем искусстве жанр пантомимы. Он как бы переживает свое второе рождение. Чем вы это объясняете?

— Пантомима никогда не устаревала и не теряла своей притягательности. Вероятно, само время потребовало ее острого, пластичного языка, ее философской обобщенности. Потребовало и обогатило...

— Пантомима в ее хресто-

матийном понимании — это вид искусства, в котором основные средства создания сценического образа — жест и мимика. Вы же давно нарушили «обет молчания», введя в пантомиму слово.

— Да, в хрестоматию нам трудно уместиться, мы это сами понимаем. Но ведь самые традиционные виды искусства — театр, балет — тоже видоизменяются со временем, обретают новые грани. У нас же слово является как бы продолжением жеста, завершением мимической мысли.

— Мне трудно теоретизировать по этому поводу. Пусть этим занимаются театроведы.

— Скажите, сцены «Асисай», «Нельзя — лья» и другие имеют самостоятельное значение?

— С одной стороны — да. Ведь зрители, как показывает мой сценический опыт, принимают эти микросюжеты

единым целым, и у них не возникает вопроса: «А что было до того или что будет дальше?» На самом деле это фрагменты из спектаклей нашего ансамбля. Прежде всего из спектакля «Чудрани», который пять лет не сходит с нашей афиши.

— Вы сами сочиняете эти сюжеты или сотрудничаете с драматургами?

— Здесь происходит замкнутый цикл. Мы все начинаем и все заканчиваем сами. Настоящего драматурга для пантомимы я еще не встретил.

— Вячеслав Иванович, в отличие от других популярных артистов вас трудно узнать на улице, в людской толпе. Ведь зрители знают лишь вашу маску. Это хорошо или плохо?

— Это хорошо. Меня не узнают и ладно. Зато я могу спокойно наблюдать за людьми, и эти наблюдения дают

мне замечательную пищу для будущей работы.

— Кстати, в Донецке вам пришлось «отложить» что-нибудь для будущей работы?

— Признаюсь, очень мало. Потому что многочисленные концерты не оставляли ни одной минуты для свободного времяпрепровождения. Мы в буквальном смысле не слезили с колес.

— Однако дончане надеются на новые встречи с вами и в более спокойной обстановке.

— Я тоже с удовольствием приеду в ваш замечательный шахтерский край при первой же возможности.

— Будем надеяться, что эта возможность не за горами. Новых вам творческих горизонтов, Вячеслав Иванович!

Беседу вел
Л. РУБИШТЕИН.

Фото О. КИССА.

22 СЕН 1986

Киевский Дом

г. Донецк